КОНЦЕПЦИЯ «УЧЁНОГО НЕЗНАНИЯ» НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

Коровкина Екатерина Сергеевна

студент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

До Николая Кузанского предметами учения о бытии были «единое» и «иное». Кузанский предлагает отказаться от подобного разделения и выдвигает мысль о том, что существует только «единое», которое, объединяя в себе всё, включает в себя также и «иное». «Единое» в концепции Кузанского рассматривается в двух позициях: актуального бесконечного и потенциального бесконечного. Для объяснения потенциального бесконечного Кузанский прибегает к числу, как к единственному, на примере чего можно постичь бесконечность: например, если взять единицу, то к ней всегда можно прибавить ещё одну единицу – так число будет стремиться к своему абсолютному максимуму, но никогда его не достигнет, если ту же единицу всегда на что-то делить, то она будет стремиться к своему абсолютному минимуму, но, опять же, так его никогда и не достигнет. Вместе с тем Кузанский говорит о том, что максимум, поскольку он и есть то «единое», которое есть «всё», и поскольку ему ничего не противоположно, совпадает с минимумом. В качестве простого объяснения он использует количественное определения максимума и минимума: «максимальное количество максимально велико, минимальное количество максимально мало» [3], если вынести за скобки «мало» и «велико», то получится та самая формула, которую и доказывал Кузанский. По той же схеме потенциальная бесконечность становится частью бесконечности актуальной, так как бесконечное единство Бога в своей актуальности заключает в себе «всё потенциально могущее быть» [3]. Учение об абсолютном максимуме Кузанский ставит в центр всей своей концепции, потому что в его понимании абсолютный максимум это не просто абстрактное единство, но и само абсолютное бытие как таковое, которое само не определяется ничем вещественным, тогда как всё вещественное ему всецело подчинено, более того, абсолютный максимум – это максимальная истина, а значит истина – это Бог. Истина заключена в чём-то неделимом и может быть измерена только самой собой, наш разум относится к истине как многоугольник, заключённый в круг: мы стремимся постичь истину, но никогда не сможем постичь её полностью, так как наш разум изначально не «круг», он лишь подобие «круга», которое никогда не сможет стать ему равным. Исходя из тождественности истины и Бога, получается, что Бог также непостижим. Это объясняется и тем, что человеческий разум постигает что-либо через соразмеряющее сравнивание с чем-то уже знакомым, но бесконечность не поддаётся соизмерению, так как у неё нет чего-то «меньшего» и чего-то «большего», она – единство, которое само по себе и абсолютный максимум, и абсолютный минимум. В то же время Кузанский настаивает на том, что нам доступно постижение троичной природы единства, то есть истины и Бога. Троичность единства присутствует во всём, и доказать это для Кузанского не составляет труда, он снова использует понятие максимума, который приобретает своё абсолютное единство только потому, что он одновременно и максимум, и минимум, и связь между максимумом и минимумом: «нераздельность, различенность и связь»[3]. Ещё более простым инструментом объяснением становится язык, а именно то, как мы составляем предложение, когда хотим определить какое-либо понятие: «Единство есть максимум»[3], где единство – безначальное начало, максимум – начало изначальное, а «есть» – это связь между двумя началами. Отсутствие любого из этих элементов разрушает понятие, а значит, троичность единства снова доказана. Понятие связи имеет огромное значение для понимания концепции Кузанского, одним из важных заявлений было то, что абсолютный максимум относится ко всему как максимальная линия к линиям. Максимальная линия у Кузанского – это и есть абсолютная бесконечность, Бог, тогда как просто линии – это все творения Бога, с которыми он неразрывно связан. К понятию линии

Кузанский приходит через многие математические формулы и доказывает, что из бесконечной линии появляется и треугольник, и круг, и шар. При стремлении к бесконечности шар становится тождественен прямой линии, и эта мысль особенно интересна, если вместо абстрактного шара представить земной шар, на примере которого можно понять, что всё в мире – это всего лишь линии-творения, созданные одной максимальной линией, то есть Богом, которому всё подчинено. Все линии-творения в концепции Кузанского равны между собой, это происходит потому, что он отрицает идею центра мира, в его понимании даже земной шар не может стать центром бесконечной вселенной, так центр может быть определён только на конечных объектах. Но совершенно невозможно его определение, опять же, только для человеческого разума, поскольку мы всегда имеем дело лишь с относительным знанием, тогда как знание абсолютное нам никогда подвластно не будет. Вместе с тем, Кузанский приходит к мысли о том, что человек, несмотря на свой несовершенный разум, есть совершенное творение Бога, даже если в сравнении с другими творениями он менее совершенен. Здесь же обнаруживается и ключевая идея о высшей умудрённости в собственном незнании, которая предстаёт главным даром божьим: каждое творение покоится в своём несовершенном совершенстве, которое оно сохраняет и не стремится стать другим творением ради большего совершенства. Так человек принимает то, что абсолютная истина ему недоступна и благодарит Бога за полученное учёное незнание, так как именно оно и составляет высшее совершенство человека: «точность истины непостижимо светит во тьме нашего незнания»[3] и только путём этого незнания человек может «приблизиться к величайшему триединому бесконечно благому Богу, чтобы всей силой нашего порыва восхвалять сущего над всем за то, что он сам явил нам свою непостижимость, благословенный вовеки»[3].

Бог есть не только в человеческом разуме, но и вообще во всём, он, как простейшее единство, существуя в единой Вселенной, существует и в каждой вещи, а каждая вещь, в свою очередь, в каждой вещи, так как всё подчинённое Вселенной также должно подчиняться и троичному единству, в основе которого стоит обязательный элемент «связь». В понимании такого сосуществования всего со всем Кузанский сходится с Анаксагором, который утверждал, что «каждое – в каждом», и если совершенство человека в его незнании, то совершенство Вселенной – в совершенной гармонии предшествования всего всему. Однако, несмотря на то, что Кузанский говорит о том, что многие вещи связаны с другими многими вещами, речь не идёт о множестве, так как, во-первых, множество не предполагает в себе предшествование каждому, а во-вторых, единая вселенная объединяет в себе всё, что потенциально могло быть разрознено. Говоря о единстве Вселенной, Кузанский рассуждает, в чём заключается её троичное единство, и приходит к выводу, что это актуальность, потенция и связь. Это, в свою очередь, даёт ему возможность вывести четыре универсальных модуса бытия: высший модус – абсолютная необходимость, то есть все вещи в Боге, второй модус – сложная необходимость, то есть истинные в самих себе вещи находятся в природном порядке с отличиями, например, как в разуме, третий модус – возникшая возможность, то есть вещи в зависимости от потенции становятся тем или иным и, наконец, четвёртый, самый низший модус бытия – абсолютная возможность, то есть то, какими вещи могут быть. Вселенная, конкретный максимум, состоит из последних трёх модусов, причём единство снова не нарушается, так как эти модусы не представляют собой что-то разрозненное и существующее в отдельности друг от друга, они снова как бы предшествуют один другому и не способны разрушить своей троичности. Осознавая, из каких элементов строится модель универсального модуса бытия, мы снова расширяем горизонты нашего знающего незнания, так как ещё немного приближаемся к задуманному Богом устройству вселенной.

Устройство Вселенной, её форма, «мировая душа» в концепции Кузанского отличные от того, что ранее предлагали платоники или, например, перипатетики: в работе «Об учёном незнании» сказано, что в «мировой душе» нужно видеть только вселенскую форму, которая заключает в себе все формы, но при этом актуально существует только в вещах, так как они, будучи подвластны конкретному максимуму, получают свою определённую форму именно от Вселенной. Вселенная же подвластна Богу, а потому получается, что «мировая душа» – это вовсе не посредник Бога между абсолютной и конкретной ограниченностью (так как он ему и не нужен), а всего лишь вместилище всех форм. Конкретный максимум понимается Кузанским как единство Абсолюта (потому что нечто, определившееся в какой-либо вид или род, становится чем-то максимальным в данной конкретности и, соответственно, оказывается бесконечностью, которая совпадает с абсолютным максимумом, но вместе с тем не совпадает

с безусловным абсолютом Бога), Творца (потому что Бог во всём) и Творения (потому что Вселенная, как и всё, есть творение Бога).

Определив, что Вселенная – это конкретный максимум, возникает необходимость понять, возможен ли такой же максимум в человеческой природе, ведь, как говорилось выше, в концепции Кузанского и Вселенная, и человек, и всё прочее, созданное Богом, – это всего лишь линии от максимальной линии, а потому получается, что человек тоже имеет право быть соединением Абсолюта, Творца и Творения. С одной стороны – да, так как именно человек представляет собой то универсальное бытие, которое не принадлежит к одной вещи больше, чем к другой, и тем самым приближается к абсолютной максимальности: он сочетает в себе и разумную, и чувственную природу, тем самым, заключая в себе всё представленное в мире – «так в философию Кузанца входит античная идея микрокосма»[4]. С другой стороны – нет, так как человек существует в исключительно конкретном, над которым он смог бы подняться только в том случае, если бы познал всю Истину, а это по концепции Кузанского невозможно. Однако даже если представить, что человек сумел познать всю Истину, соединился бы с Богом и направил своё конкретное бытие к Абсолюту, он бы всё равно не смог стать только Сыном Бога (что значило бы полное единение с Абсолютом), так как он не сможет перестать быть сыном человека.

Получается, Николай Кузанский приводит как минимум два сильных довода в пользу того, что человек не может в своей природе возвыситься до божественного статуса, совпасть с Абсолютом: он всего лишь одно из божьих творений, как, например, камень, только наделённый разумом и способный воспринимать чувственное. Однако именно в уподоблении человека Богу упрекали Кузанского критики, которые заявляли, что философ слишком расширяет человеческие границы учёного незнания и чуть ли не наделяет человека возможностью познать принципиально непознаваемого Бога. Эрнст Кассирер, не являясь критиком Николая Кузанского, в своей аналитической работе, посвящённой космологии в философии Возрождения также отмечал, что философ в некотором смысле ставит под сомнение непознаваемую природу Бога: «Для Кузанца остаётся в силе противоположность между абсолютным бытием и бытием эмпирически-обусловленным, между бесконечным и конечным, но эта противоположность уже не просто догматически утверждается, а должна быть постигнута в своей предельной глубине, выведена из общих предпосылок человеческого познания. Подобная теоретико-познавательная установка характеризует Кузанца как первого мыслителя Нового времени. И первый шаг, который он делает как новый мыслитель, заключается в постановке вопроса не о Боге вообще, а о возможности знания о Боге»[2].

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ

В прочтении работы «Об учёном незнании» Фридрихом Якоби можно обнаружить мысль о том, что «метафизические предпосылки Николая логически влекут за собой вывод, что Бог и творения суть одно бытие в двух разных модусах»[5], однако, Кузанский изначально опровергает такую интерпретацию своих размышлений, заявляя, что существует только одна «бесконечная форма форм и все формы суть её образы»[3], то есть человек – это всего лишь образ Бога, одна из его многочисленных форм, а никак не равное Богу существо. Этим же высказыванием можно подвергнуть сомнению основательность критики Иоганна Венка, который упрекал Кузанского в том, что он путает суть вещей и утверждает, что некоторые сущности тождественны сущности Бога. Намного более убедительно звучит критика Хопкинса, который главным образом анализирует третью книгу Кузанского, где философ задаётся главными вопросами, касающимися Иисуса Христа. Пытаясь понять, как Кузанский представлял себе соотношение Иисуса и человечества, Хопкинс выстраивает следующую линию рассуждения, которая, в свою очередь, выстроена в соответствии с концепцией троичного единства: «(1) человечество Иисуса в божественности есть неограниченный Бог. (2) человечество Иисуса не в божественности есть конкретное творение. Таким образом (3) человечество Иисуса является посредником между неограниченным и конкретным»[5]. Здесь обнаруживается достаточно сильное противоречие: поскольку Кузанский в своих работах неоднократно заявляет, что всё сущее в Боге и есть сам Бог, то, получается, что человечество Иисуса в некотором роде всё же теряет свой статус человечества и приобретает статус божественности. Более того, в объяснении Кузанским момента становления человека посредником между неограниченным и конкретным, мы обнаруживаем попытки максимизировать в Иисусе Христе человечество, поднять интеллект Иисуса до божественного

уровня, однако, это противоречит концепции Кузанского об учёном незнании, так как интеллект сам по себе – это человеческая способность постигать мир в доступной ему системе сравнений, а значит, говоря об интеллект Иисуса, мы не можем отбросить фактор человеческого, не позволяющего приблизиться к абсолютной Истине. Помимо этого, в работах Кузанского не сказано о свойствах, которые могли бы быть и человеческими и божественными одновременно, что ставит под сомнение всю концепцию человечества Иисуса как «моста между конкретным и абсолютным». По мнению Майкла Раушенбаха, подобных противоречий можно было бы избежать, если бы на роль «моста» Кузанский рассматривал самого Иисуса, а не человечество Иисуса, так как данное утверждение звучит вполне традиционно ввиду неоспоримой божественно-человеческой природы Иисуса, однако, это стало бы ещё более весомой причиной считать часть концепции Кузанского несостоятельной, так как в предыдущих двух книгах, ещё до начала составления собственной Христологии, Кузанский, например, утверждал троичное божественное единство, где Отец, Сын и Святой дух – это три равноправных элемента, каждый из которых не предшествует и не «последствует» другому, а значит, Сын не может быть всего лишь мостом между конкретным и абсолютным, тогда как его Отец будет совершенным максимальным Абсолютом.

Ещё одним спорным моментом критики находили понимание Кузанским Христа в качестве максимальной индивидуальности, сущности всех человеческих возможностей, так как подобная формулировка неизбежно приводит к тому, что Иисус оказывается обладателем не только совершенных качеств, таких как любовь, сострадание и т.д, но и пороков, таких как, например, гордыня или зависть. Но даже если Кузанский и утверждает, что Иисус – это исключительная совокупность только человеческих совершенств, то отрицательное понятие греха всё равно сохраняется и этому Кузанский не даёт какого-либо ясного объяснения, хотя и делает попытки, вводя понятие случайности.

С понятием греха связано и ещё одно критическое замечание, на этот раз принадлежащее Дэвиду Альбертсону. Он опирается на следующие слова Кузанского: «Порядок здесь, конечно, надо представлять не временным – словно бог во времени предшествует первенцу творения, или словно первородный богочеловек существует во времени раньше мира – а надвременным, в порядке природы и ступеней совершенства: пребывая в боге выше всякого времени и прежде всяких вещей, богочеловек является миру по прошествии многих круговращений, по наступлении полноты времён»[3]. Из рассуждений Альбертсона следует, что этими словами Кузанский сделал богочеловека объектом творения, а это значит, что воплотившийся Иисус становится средством для греха, так как Воплощение отнологически предшествует Адаму и он был обязан совершить грех, чтобы в итоге быть сотворённым в «форме» Адама. В такой интерпретации Воплощение становится своеобразным творческим актом, что не только разрушает доводы Кузанского о случайной природе греха, но и заставляет его отказаться от аргумента искупления греха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сам по себе термин «учёное незнание» обнаруживает себя ещё 1 веке нашей эры, в работах Августина, а направление мыслительной деятельности, связанной с раскрытием данного термина, можно найти и в апофатическом богословии античности[1], и в средневековой теологии, однако, именно Николай Кузанский представил данную доктрину в систематически продуманной и целостной форме, что позволило ей оказать влияние на последующее формирование новоевропейской гносеологии, а также на науку Нового времени. Сам термин в какой-то мере отражает парадоксальность идей Николая Кузанского: казалось бы, речь должна идти и скептицизме, о том, что познание для человека недоступно, однако, имея антидогматический и антиавторитарный характер, концепция Кузанского далека и от скептицизма, и от агностицизма. Он ставит перед собой задачу разработать совершенно новую логику познания, которая совмещала бы в себе как схоластическое понимание недоступности и непостижимости Бога, так и необходимость создания нового способа познания, в основе которого лежала бы своеобразная интеллектуальная интуиция, нечто, что пришло бы на смену старым понятийно-рациональным средствам, нечто, что было бы тесно связано в том числе с мистической интуицией. В основу концепции Кузанский помещает «парадоксальное единство знания и незнания, содержащее в компликативной форме необычайное богатство новых идей»[6]. Это единство приводит к новому пониманию бесконечности, Бога, Максимума, Абсолюта и Истины, понятий которые Кузанский

раскрывает с помощью диалектических, математических и интеллектуально-интуитивных методов. Доктрина «учёного незнания» Кузанского проиллюстрировала самостоятельность значения познавательного соотношения человека и мира и положила начало современной философии, которая, создав «новую математику бесконечных переменных величин и новое концептуальное понимание природы»[6], разработала «математизированную» науку Нового времени.

Список литературы:

1. Астапов С. Статья Рецепция отрицательной диалектики Николая Кузанского в русской религиозной философии первой половины XX века. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-otritsatelnoy-dialektiki-nikolaya-kuzanskogo-v-russkoy-religioznoy-filosofii-pervoy-poloviny-hh-veka/viewer (дата обращения 12.02.2022)

2. Кассирер Э. Индивид и космос в философии Возрождения // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М., 2000. С. 17.

3. Кузанский Н. Собрание сочинений в 2 т. Т . 1 / перевод З.А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1979. – 488 с.

4. Оплетаева О, Корсакова Л. Статья Николай Кузанский и ренессансный гуманизм. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-kuzanskiy-i-renessansnyy-gumanizm/viewer (дата обращения 12.02.2022)

5. Раушенбах М. Статья Парадоксальная Христология «Об учёном незнании» Николая Кузанского / перевод О.Э. Душиной. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksalnaya-hristologiya-ob-uchenom-neznanii-nikolaya-kuzanskogo/viewer (дата обращения 12.02.2022)

6. Терюха Р. Статья Концепция «ученого незнания» и ее роль в формировании новоевропейской гносеологии. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-uchenogo-neznaniya-i-ee-rol-v-formirovanii-novoevropeyskoy-gnoseologii/viewer (дата обращения 12.02.2022)